

**КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ И
СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИЙ РАЗМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТОВ
АТОМНОЙ ОТРАСЛИ**

УДК 338.2

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© 2020 В.А. Плотников*, А.В. Пролубников**, М.В. Рукинов***

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия*

***Военная академия материально-технического обеспечения, Санкт-Петербург, Россия*

****Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия*

Сфера обеспечения национальной безопасности – важный объект государственной политики. При управлении ею выделяются стратегический и тактический уровни, каждый из которых имеет свое институциональное закрепление. Помимо этого, могут быть выделены функциональные области национальной безопасности, например, ядерная и радиационная безопасность. В статье проанализированы тексты Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации с позиций анализа потенциала стратегического регулирующего воздействия этих документов. Отмечена противоречивость и непоследовательность их текстов, отсутствие комплексности к регламентации институциональных рамок реализации государственной политики в сфере национальной безопасности. Также показано, что между этими важными документами стратегического управления отсутствует какая-либо взаимосвязь. Проведенное исследование позволило авторам сделать вывод, что стратегические документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации требуют его переработки и корректировки.

Ключевые слова: государственная политика, национальная безопасность, экономическая безопасность, ядерная и радиационная безопасность, «Росатом», экономика России, стратегическое управление.

Поступила в редакцию 06.05.2020

После доработки 04.06.2020

Принята к публикации 08.06.2020

Введение

В системе государственного управления, как и в системе менеджмента организаций, принято выделять стратегический и тактический уровни [1-5 и др.]. При этом, стратегический уровень является, по мнению авторов, определяющим, т.к. именно он задает рамки и направленность действий на уровне тактическом. Если ошибки тактические достаточно легко устранимы, то ошибки стратегические для организаций могут иметь фатальные последствия, а более крупные институциональные образования – государства и регионы – приводить к кризису [6, 7 и др.], выход из которого может потребовать существенных ресурсных затрат.

В этой связи, стратегический уровень в реализации государственной политики является определяющим, более важным. Это требует его четкого институционального закрепления в документах стратегического управления (стратегиях, концепциях, программах, доктринах и т.п.). Важное требование к этим документам – их логичность и непротиворечивость. Несмотря на кажущуюся очевидность этих требований, на практике, к сожалению, они не всегда соблюдаются.

Анализ стратегической компоненты государственной политики обеспечения национальной безопасности России

Ключевым стратегическим документом, регламентирующим процессы обеспечения национальной безопасности России, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая введена в действие Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683. Безусловно, указанная Стратегия – рамочный документ, что определяется ее достаточно общим характером, а также тем, что предметное поле национальной безопасности является довольно широким, оно охватывает множество разнообразных вопросов и направлений, которые, в рамках иерархической логики организации управления «стратегия → тактика», в дальнейшем должны быть раскрыты и детализированно представлены в документах и решениях тактического уровня.

Согласно тексту Стратегии, национальная безопасность страны определяется как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации..., достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации и законодательством Российской Федерации, прежде всего государственную, общественную, информационную, экологическую, экономическую, транспортную, энергетическую безопасность, безопасность личности».

Таким образом, анализ вышеприведенной цитаты позволяет сделать вывод, что Стратегия определяет 9 видов безопасности (хотя сделанная в тексте документа оговорка «прежде всего», по нашему мнению, позволяет трактовать этот список расширительно):

- военная безопасность (в документе указана «оборона страны»);
- государственная безопасность;
- общественная безопасность;
- информационная безопасность;
- экологическая безопасность;
- экономическая безопасность;
- транспортная безопасность;
- энергетическая безопасность;
- безопасность личности.

Казалось бы, спектр видов безопасности, представленных в Стратегии, довольно обширен, что позволяет надеяться на комплексный охват реализуемой государственной политикой всех имеющихся в этой сфере проблем, вызовов и угроз. Попробуем оценить: так ли это на самом деле.

В тексте Стратегии также рассмотрены направления обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в разрезе национальных интересов, которые не имеют полного структурного соответствия приведенному выше перечню (ниже приводятся цитаты из текста Стратегии, если иное не обговорено специально):

1. Военная безопасность в Стратегии в явном виде не определяется. В то же время, в тексте документа дана отсылка к отраслевому стратегическому документу – Военной доктрине Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976), где она определена как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять». Такая трактовка

является противоречивой и по своей сути – тавтологичной, т.к. в Стратегии военная безопасность, а также входящие (согласно Доктрине) в нее государственная, общественная и безопасность личности, определены как одноуровневые категории. Возникает логический парадокс: военная безопасность, с одной стороны, согласно Стратегии, является одноуровневым понятием с безопасностью, например, государственной. С другой стороны, согласно положениям Военной доктрины, она призвана обеспечивать защиту интересов государства, т.е. обеспечивать достижение некоего заданного уровня государственной безопасности, что свидетельствует о разных иерархических уровнях этих категорий в системе национальной безопасности.

2. Государственная и общественная безопасность, это – «защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Такая трактовка, как и ранее отмеченная, противоречива, т.к. не содержит никакого разграничения государственной и общественной безопасности, они рассматриваются как единое целое, что вызывает непонимание – зачем тогда они разграничены в Стратегии при перечислении видов безопасности, если они не рассматриваются в отрыве друг от друга. По нашему мнению, следовало дать им либо полную содержательную трактовку по отдельности, либо объединить в один вид безопасности, например, назвав эту категорию «общественно-государственная безопасность» или как-то иначе. В то же время, как нам представляется, объединение государственной и общественной безопасности в один вид не вполне корректно, т.к. различаются их объекты. В первом случае, объектом выступает государство, в виде совокупности органов власти и управления, а также находящихся в их ведении организаций, а во втором – общество, представленное социальной структурой (страты, классы, демографические, профессиональные, этнические и другие группы, общественные институты).

3. Информационная безопасность в Стратегии вовсе не выделена. В то же время, в России действует Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. В ней информационная безопасность раскрыта достаточно детально. Вероятно, по аналогии с военной безопасностью (см. выше) следовало в Стратегии дать ссылку на эту Доктрину, что придало бы Стратегии концептуальную цельность. Но этого по какой-то причине не сделано. Можно было бы предположить, что Доктрина информационной безопасности утверждена в 2016 году, а Стратегия – ранее, в 2015 году. И этим объяснить описываемую нами нестыковку. Но и этот предположение не является корректным, т.к. на момент утверждения Стратегии действовала предыдущая версия Доктрины, утвержденная Президентом Российской Федерации 9 сентября 2000 г. № Пр-1895.

4. Экологическая безопасность в тексте Стратегии рассматривается в тесной связи с рациональным природопользованием, т.е. с отдельным направлением хозяйственной деятельности. Это направление определяется как «сохранение и восстановление природных систем, обеспечение качества окружающей среды, необходимого для жизни человека и устойчивого развития экономики; ликвидация экологического ущерба от хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата». С позиций современной экономической науки, а также международно признанной Концепции устойчивого развития, рекомендованной ООН как основа для реализации национальной политики в странах мира, совместное рассмотрение экологических и хозяйственных вопросов, конечно, может быть оправданным [8-10 и др.]. Проблематике устойчивого развития социально-

экономической системе и обеспечения зеленого экономического роста посвящено множество исследований и прикладных разработок. Но в рассматриваемом случае возникает неоправданное «пересечение» экологической безопасности с предметным полем экономической безопасности, что, с позиций сугубо классификационных, не вполне корректно, т.к. ставит множество новых вопросов о соотношении указанных категорий, аналогично тому, как это было рассмотрено нами выше при рассмотрении соотношения военной безопасности с другими видами национальной безопасности.

5. Экономическая безопасность. Это направление в тексте Стратегии, несмотря на системообразующий характер этого вида безопасности [11-13 и др.], не получило, на наш взгляд, должного отражения. В Стратегии определена лишь национальная безопасность в области экономического роста. Это – «развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности, перехода экономики на новый уровень технологического развития, вхождения России в число стран-лидеров по объему валового внутреннего продукта и успешного противостояния влиянию внутренних и внешних угроз». Как следует из этой трактовки, «национальная безопасность в области экономического роста», не являясь видом национальной безопасности, в то же время, включает в себя в качестве одного из элементов экономическую безопасность. Между тем, экономическая безопасность – это структурный элемент национальной безопасности. Разумного объяснения такой путанице авторы дать не смогли. И опять же неясно, почему нет ссылки на Стратегию экономической безопасности Российской Федерации (введена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208; на момент подписания анализируемой Стратегии действовал Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 г. № 608 «О Государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основные положения)»).

6. Транспортная безопасность, как и информационная (см. выше), в Стратегии не рассматривается, хотя и заявлена как вид национальной безопасности. При этом, в России действует Федеральный закон от 09.02.2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» – акт более высокой юридической силы, чем указ президента, но ссылки на него в Стратегии отсутствуют. Имеется в законе и определение рассматриваемой категории, надо отметить – довольно общее: «Транспортная безопасность – состояние защищенности объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств от актов незаконного вмешательства». То есть, в законе транспортная безопасность рассматривается на тактическом, объектовом уровне. Получается, что в институциональном поле стратегического управления и государственной политики транспортная безопасность вообще не имеет никакой трактовки.

7. Энергетическая безопасность также не имеет описания в тексте Стратегии. Ей посвящается отдельный документ: Указ Президента РФ от 13.05.2019 г. № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» (на момент подписания Стратегии действовала его предыдущая версия – Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 29 ноября 2012 г. Пр-3167). Но ни расшифровки данной категории (в Доктрине дано определение: «Энергетическая безопасность – состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливо- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации»), ни ссылок на Доктрину в Стратегии почему-то нет. То есть повторяется ситуация, неоднократно рассмотренная нами выше.

8. Безопасность личности. Эта категория также в Стратегии не имеет внятной трактовки и объяснения. При этом, вводится ряд других категорий, которые имеют к ней, по мнению авторов, довольно-таки непосредственное отношение:

- национальная безопасность в области качества жизни, которая понимается как «развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения прежде всего за счет роста его доходов»;

- национальная безопасность в области культуры. Это – «сохранение и приумножение традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества, воспитание детей и молодежи в духе гражданственности; сохранение и развитие общероссийской идентичности народов Российской Федерации, единого культурного пространства страны; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве»;

- национальная безопасность в области науки, технологий и образования. Она подразумевает «развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу; повышение социальной мобильности, качества общего, профессионального и высшего образования, его доступности для всех категорий граждан, а также развитие фундаментальных научных исследований»;

- здравоохранение, которое ориентировано на: «увеличение продолжительности жизни, снижение уровня инвалидности и смертности населения, увеличение численности населения; повышение доступности и качества медицинской помощи; совершенствование вертикальной системы контроля качества, эффективности и безопасности лекарственных средств; соблюдение прав граждан в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий».

Кроме того, выделена такая область обеспечения национальной безопасности, как стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство. Она подразумевает «создание стабильной и устойчивой системы международных отношений, опирающейся на международное право и основанной на принципах равноправия, взаимного уважения, невмешательства во внутренние дела государств, взаимовыгодного сотрудничества, политического урегулирования глобальных и региональных кризисных ситуаций». Как эта область соотносится с видами национальной безопасности, непонятно, из текста Стратегии ответа на данный вопрос не вытекает.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что структура разделов «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» ни по составу, ни по содержанию не соответствует перечню видов национальной безопасности, перечисленных в начале этого документа. Т.е. блоки национальной безопасности, регламентируемые Стратегией и соответствующие установленным ей национальным стратегическим интересам, не соответствует видам национальной безопасности, выделяемым в этом документе, а сам состав этих блоков «остался вынесен за скобки», он нигде не описывается с достаточной полнотой (подобные выводы делают и другие специалисты [14]).

Указанные недостатки данного документа, к сожалению, приводят к его путанности и противоречивости, превращают его не в стратегию, как генеральную программу практических действий, а в стратегию, как публичное заявление с декларацией намерений. Из-за этого сложно определить, при помощи каких инструментов государственной политики предполагается реализовывать различные виды национальной безопасности, какие конкретные шаги должны предпринимать

должностные лица государственных и муниципальных органов, как они должны взаимодействовать между собой, а также с бизнесом и населением [15] при обеспечении национальной безопасности России.

Подтверждение этому мы находим в современных условиях, когда, вследствие распространения пандемии Covid-19 на Российскую Федерацию, с марта 2020 года властями всех уровней (федерального, регионального, муниципального) предпринимаются активные действия, направленные на ликвидацию и противодействие этой угрозе национальной безопасности. Но ни в публичных заявлениях, ни в нормативных и ненормативных правовых актах, принимаемых в рамках этой деятельности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации даже не упоминается. Хотя, казалось бы, столь важный документ должен был сыграть системообразующую роль в структуризации и упорядочении действий властей.

Анализ стратегической компоненты государственной политики регулирования функциональных подсистем обеспечения национальной безопасности России (на примере ядерной и радиационной безопасности)

Как мы указывали выше, в России принято множество стратегических документов, регламентирующих обеспечения безопасности в различных функциональных областях. Как было показано на конкретных примерах, эти документы не создают единого институционального поля, но, зачастую, запутывают ситуацию, т.к. противоречат друг другу, дают различные трактовки одинаковым категориям. Такова ситуация с обеспечением национальной безопасности страны в целом.

Далее исследуем ее применительно к функциональным областям обеспечения национальной безопасности, что будет выполнено на примере изучения содержания Указа Президента Российской Федерации от 13.10.2018 г. № 585 «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» (в дальнейшем рассмотрении – Основы). Этот документ призван определить «цели, задачи, основные направления и инструменты реализации государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации» (цитируется по тексту Основ, в дальнейшем, если не оговорено специально, приводятся цитаты из этого документа).

Несмотря на то, что «Основы являются документом стратегического планирования в области обеспечения национальной безопасности Российской Федерации», т.е. должны, исходя из иерархической логики построения государственных документов стратегического управления, опираться на Стратегию, это не так. «Нормативно-правовую базу настоящих Основ составляют Конституция Российской Федерации, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы и иные нормативные правовые акты Российской Федерации в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности».

То есть, налицо логическое противоречие: Основы относятся к сфере обеспечения национальной безопасности, но игнорируют требования национальной Стратегии в этой области. Такое противоречие формально-институционального плана, безусловно, негативно сказывается на практической деятельности в рассматриваемой сфере, т.к. затрудняет реализацию таких функций менеджмента, как целеполагание и координация.

При этом, в Стратегии категория ядерной и радиационной безопасности попросту отсутствует. Ее как бы не существует, что вызывает непонимание и недоумение у авторов данной статьи. Проведенный контент-анализ текста Стратегии показал, что в ней есть упоминания рисков, связанных с ядерными технологиями (например, в п. 19

указано, что имеется «риск увеличения числа стран – обладателей ядерного оружия», а в п. 43 среди угроз государственной и общественной безопасности упомянута возможность использования «ядерного терроризма»), но эти упоминания весьма косвенные (всего их 10) и не затрагивают проблематику собственно ядерной безопасности. То же касается и радиационной безопасности, в косвенном ключе она упоминается (не сама безопасность, а некоторые аспекты, связанные с обращением радиоактивных веществ) лишь 3 раза (например, в том же п. 43 среди угроз государственной и общественной безопасности отмечается риск того, что террористы «завладеют радиоактивными веществами»).

Далее рассмотрим сущность государственной политики в исследуемой области, вновь обратившись к тексту Основ. «Государственная политика в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации представляет собой совокупность мер направленных на обеспечение национальных интересов, реализацию стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, защиту жизни и здоровья граждан, собственности, а также на охрану окружающей среды». Приведенное определение является, если можно так выразиться, классическим. Аналогичные по содержанию определения широко представлены в литературе [16-18 и др.], где под политикой понимается система мер (мероприятий), направленных на достижение той или иной цели.

С субъектом этой политики все ясно – это государственные и муниципальные власти, «Росатом», а также заинтересованные граждане и организации. Объект, казалось бы, четко определен в вышеприведенной цитате, где есть указание на стратегические национальные приоритеты, защиту граждан от вредных факторов и т.д. То есть, речь идет о Российской Федерации в целом. Это естественно, т.к. Основы – документ стратегического уровня.

К сожалению, он тоже не лишен недостатков и противоречий. В п. 6 Основ указано, что «в Российской Федерации обеспечивается ядерная и радиационная безопасность» объектов использования атомной энергии в мирных и оборонных целях, объектов ядерного наследия и материалов с повышенным содержанием природных радионуклидов. Но это – частности, речь, по сути, идет об объектах не макро-, а микроуровня, уровня тактического, но никак не стратегического. Получается, что стратегический характер Основ, которые, исходя из логики стратегического управления, должны задавать общие «правила игры», институциональные рамки реализации государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности страны, выхолащивается.

Подобные логические нестыковки достаточно распространены в тексте Основ, что делает этот документ, как и ранее рассмотренную Стратегию, декларативным, недейственным. Например, во втором разделе Основ заявлено, что будут описаны «тенденции в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности и возможные сценарии развития ситуации». Но никаких тенденций на самом деле в тексте не представлено, перечислены лишь обуславливающие их факторы. Каковы же тенденции в этой сфере – остается лишь предполагать и догадываться.

Сложно назвать качественным документ управления, который вместо четкого предписания содержит в себе посыл для размышлений исполнителю. То же касается и сценарного моделирования, результаты которого в Основах заявлены, но не представлены, за исключением самоочевидной для любого здравомыслящего человека констатации того факта, что «если ничего не делать, то всё будет плохо». Управленческая ценность у такого рода констатации, по нашему мнению, отсутствует.

Ключевой компонент любого документа стратегического управления – это формулировки целей и задач. К ним предъявляются два основных требования [19-21 и др.]: непротиворечивость (если это требование не выполнено, система практических

действий также будет противоречивой, что неизбежно приведет к неэффективности этих действий и невозможности достижения сформулированных целей и поставленных задач) и иерархичность (имеется в виду, что должно быть четкое иерархическое соответствие между целями и задачами, каждая цель, исходя из принципов программно-целевого подхода, должна быть декомпозирована в совокупность задач).

Цели государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности перечислены в п. 11 Основ, при этом они неоднократно повторяют друг друга, что не позволяет говорить об их непротиворечивости и логичности изложения. Чтобы не быть голословными, приведем конкретный пример. Среди целей указаны: «г) обеспечение соответствующей современным требованиям защиты населения и окружающей среды от радиационного воздействия»; «з) минимизация радиационных рисков для населения Российской Федерации, возникающих вследствие радиационных аварий и катастроф, испытаний ядерного оружия на территориях иностранных государств»; «и) уменьшение опасного воздействия радиационных факторов на население, проживающее на территориях с повышенным уровнем естественного радиационного фона».

Очевидно, что цели з) и и) полностью поглощаются целью г). Действительно, если мы обеспечим достижение цели г), то есть добьемся эффективной защиты населения от радиационного воздействия без всяких условий и ограничений, то это значит, что эта защита будет обеспечена и в случае реализации рисков из-за радиационных аварий и катастроф, испытаний ядерного оружия – цель з), и на территориях с повышенным уровнем естественного радиационного фона – цель и).

Исходя из логики действий в рассмотренной сфере, правильно было бы оставить среди целей в тексте Основ лишь г), а з) и и) рассматривать как задачи, конкретизирующие достижение этой, безусловно, важной цели в особых условиях и обстоятельствах. При этом, конечно же, необходимо было бы сформулировать добавочную задачу, которая раскрывает достижение указанной цели в обычной обстановке. Однако такая структуризация, направленная на выделение иерархической соподчиненности, в основах почему-то отсутствует.

Следует отметить, что в целом в Основах, при переходе от целей к задачам принцип иерархичности и соответствия задач целям не соблюдается. Эти категории существуют сами по себе, без всякой связи, что блокирует эффективное стратегическое управление в рассматриваемой области. Наше мнение подтверждается простейшим наблюдением. В Основах присутствуют 9 целей, которые раскрыты в 15 задачах. То есть, некоторые из целей ($9 \times 2 = 18 > 15$) вообще не декомпозированы в задачи, то есть, в принципе, не идет речь о принятии каких-либо шагов по их достижению. Это не «цели – руководства к действию», а «цели – декларации».

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что «Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации», как документ стратегического управления, весьма несовершенны, противоречивы и вместо упорядочивания усилий при реализации соответствующей политики, лишь запутывают ситуацию. Они не только не встроены в систему стратегического управления в сфере национальной безопасности, но и содержат некоторые нелогичные и, формально говоря, ошибочные положения.

Заключение

Подводя итог, отметим, что, исходя из результатов проведенного анализа, отраженных в статье, можно указать на несовершенство институционального обеспечения государственной политики, реализуемой в Российской Федерации в сфере национальной безопасности. Это касается и ситуации в целом, и отдельных функциональных областей ее обеспечения (в частности, углубленный анализ проводился нами на примере сферы ядерной и радиационной безопасности).

По мнению авторов, которое аргументировано в статье, и «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», и «Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации» требуют серьезной переработки с привлечением широкого круга специалистов, прежде всего – квалифицированных управленцев. В существующем виде, к сожалению, ни Стратегия, ни Основы не могут являться фундаментом для реализации последовательной и непротиворечивой государственной политики Российской Федерации в сфере обеспечения безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочуров, А. А. Сравнительный анализ отечественного и зарубежного опыта обеспечения экономической безопасности оборонно-промышленного комплекса / А. А. Бочуров, А. Х. Курбанов, А. Н. Литвиненко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 3 (111). – С. 99-106.
2. Вертакова, Ю. В. Оценка эффективности публичного управления в России на региональном уровне: проблема выбора индикаторов развития / Ю. В. Вертакова, М. С. Борисова, А. М. Борисов // Известия Юго-Западного государственного университета. – 2014. – № 4(55). – С. 27-38.
3. Вертакова, Ю. В. Оценка влияния конкурентной среды на эффективность стратегического управления развитием малого предприятия: методология и практика / Ю. В. Вертакова, Е. Д. Леонтьев, В. А. Плотников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2015. – № 2(15). – С. 30-36.
4. Мантуров, Д. В. Подходы к реализации и инструменты промышленной политики в зарубежных странах: возможен ли трансфер опыта / Д. В. Мантуров // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4(112). – С. 7-15.
5. Сигов, В. И. Современный контекст корпоративного управления / В. И. Сигов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 2(110). – С. 175-178.
6. Головкин, М. В. Развитие публичного управления как фактор оптимизации антимонопольной политики государства / М. В. Головкин // Вопросы экономики и права. – 2010. – № 27. – С. 31-35.
7. Плотников, В. А. Управление социально-экономическим развитием регионов в посткризисных условиях / В. А. Плотников // Известия Курского государственного технического университета. – 2010. – № 3(32). – С. 93-100.
8. Барсукова, М. А. Управление экономической устойчивостью в условиях инновационного развития / М. А. Барсукова, Е. А. Боркова, Л. В. Ватлина // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 2(116). – С. 54-57.
9. Казанцева, А. Н. Вопросы разработки и реализации государственной политики в сфере производства и обращения экологически чистой продукции / А. Н. Казанцева // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 2. – С. 16-20.
10. Рукинов, М. В. Социальные аспекты экономической безопасности / М. В. Рукинов // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2018. – № 3(37). – С. 21-24.
11. Головкин, М. В. Определение факторов инновационного развития региональных промышленных комплексов / М. В. Головкин, О. Ф. Пуверкалова, В. В. Рябцун // Региональная экономика: теория и практика. – 2017. – Т. 15. – № 3(438). – С. 579-591.
12. Пролубников, А. В. К вопросу о факторах экономического развития / А. В. Пролубников // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 3(41). – С. 5-8.
13. Рукинов, М. В. Модернизация и экономическая безопасность / М. В. Рукинов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 3(117). – С. 45-49.
14. Серебренников, С. С. О стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года / С. С. Серебренников, Е. В. Моргунов, С. М. Мамаев, И. А. Шерварли // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28.
15. Акобиров, С. О. Механизмы партнерства государства и бизнеса в интересах стимулирования социально-экономического развития (по материалам России и Узбекистана) / С. О. Акобиров, А. В. Пролубников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2019. – № 5-1. – С. 65-69.

16. Алексеева, Д. А. Проведение согласованной денежно-кредитной политики в условиях евразийской интеграции / Д. А. Алексеева // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. – 2019. – № 2 (40). – С. 23-26.
17. Публичное управление в условиях цифровой глобализации: монография / под ред. А. В. Полянина. – Орел, 2020. – 268 с.
18. Рисин, И. Е. Региональная кластерная политика: содержание и механизм реализации / И. Е. Рисин. – Воронеж: Издательство ВГПУ, 2014. – 112 с.
19. Вертакова, Ю. В. Целеполагание в управлении социально-экономическим развитием региона / Ю. В. Вертакова, И. Г. Ершова, Э. Н. Кузьбожев // Известия Курского государственного технического университета. – 2001. – № 6. – С. 152-162.
20. Мескон, М. Основы менеджмента / М. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – Москва : Вильямс, 2019. – 672 с.
21. Федотова, Г.В. Развитие национальной системы стратегического контроля / Г. В. Федотова, В. А. Плотников // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2015. – № 4(94). – С. 31-36.

REFERENCES

- [1] Bochurov A.A., Kurbanov A.Kh., Litvinenko A.N. Sravnitelnyy analiz otechestvennogo i zarubezhnogo opyta obespecheniya ekonomicheskoy bezopasnosti oboronno-promyshlennogo kompleksa [A Comparative Analysis of Domestic and Foreign Experience in Ensuring the Economic Security of the Military-Industrial Complex] Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics]. 2018. No 3(111). P. 99-106 (in Russian).
- [2] Vertakova Yu.V., Borisova M.S., Borisov A.M. Otsenka effektivnosti publichnogo upravleniya v Rossii na regionalnom urovne: problema vybora indikatorov razvitiya [Evaluation of the Effectiveness of Public Administration in Russia at the Regional Level: the Problem of Choosing Development Indicators] Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta [News of the South-West State University]. 2014. No 4(55). P. 27-38 (in Russian).
- [3] Vertakova Yu.V., Leontiev E.D., Plotnikov V.A. Otsenka vliyaniya konkurentnoy sredy na effektivnost strategicheskogo upravleniya razvitiyem malogo predpriyatiya: metodologiya i praktika [Evaluation of the Impact of the Competitive Environment on the Effectiveness of Strategic Management of the Development of a Small Enterprise: Methodology and Practice] Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment [Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management]. 2015. No 2(15). P. 30-36 (in Russian).
- [4] Manturov D.V. Podkhody k realizatsii i instrumenty promyshlennoy politiki v zarubezhnykh stranakh: vozmozen li transfer opyta [Implementation Approaches and Industrial Policy Instruments in Foreign Countries: is it Possible to Transfer Experience] Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the St. Petersburg State University of Economics]. 2018. No 4(112). P. 7-15 (in Russian).
- [5] Sigov V.I. Sovremennyy kontekst korporativnogo upravleniya [The Modern Context of Corporate Governance] Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2018. No 2(110). P. 175-178 (in Russian).
- [6] Golovko M.V. Razvitiye publichnogo upravleniya kak faktor optimizatsii antitenevoy politiki gosudarstva [The development of Public Administration as a Factor in Optimizing the Antithesis Policy of the State] Voprosy ekonomiki i prava [Issues of Economics and Law]. 2010. No 27. P. 31-35 (in Russian).
- [7] Plotnikov V.A. Upravleniye sotsialno-ekonomicheskimi razvitiyem regionov v postkrizisnykh usloviyakh [Management of Socio-Economic Development of Regions in Post-Crisis Conditions] Izvestiya Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Kursk State Technical University]. 2010. No 3(32). P. 93-100 (in Russian).
- [8] Barsukova M.A., Borkova E.A., Vatlina L.V. Upravleniye ekonomicheskoy ustoychivostyu v usloviyakh innovatsionnogo razvitiya [Management of Economic Sustainability in the Conditions of Innovative Development] Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics]. 2019. No 2(116). P. 54-57 (in Russian).
- [9] Kazantseva A.N. Voprosy razrabotki i realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere proizvodstva i obrashcheniya ekologicheskii chistoy produktsii [Issues of Development and Implementation of State Policy in the Field of Production and Circulation of Environmentally Friendly Products] Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies]. 2018. No 2. P. 16-20 (in Russian).

- [10] Rukinov M.V. Sotsialnyye aspekty ekonomicheskoy bezopasnosti [Social Aspects of Economic Security] *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies]. 2018. No 3(37). P. 21-24 (in Russian).
- [11] Golovko M.V., Tsuverkalova O.F., Ryabtsun V.V. Opredeleniye faktorov innovatsionnogo razvitiya regionalnykh promyshlennykh kompleksov [Determination of Factors of Innovative Development of Regional Industrial Complexes] *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice]. 2017. Vol. 15. No 3(438). P. 579-591 (in Russian).
- [12] Prolubnikov A.V. K voprosu o faktorakh ekonomicheskogo razvitiya [Factors of Economic Development] *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies]. 2019. No 3(41). P. 5-8 (in Russian).
- [13] Rukinov M.V. Modernizatsiya i ekonomicheskaya bezopasnost [Modernization and Economic Security] *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2019. No 3(117). P. 45-49 (in Russian).
- [14] Serebrennikov S.S., Morgunov E.V., Mamaev S.M., Shervarli I.A. O strategii ekonomicheskoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii na period do 2030 goda [Economic Security Strategy of the Russian Federation for the Period until 2030] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of Tomsk State University. Economy]. 2018. No 41. P. 20-28 (in Russian).
- [15] Akobirov S.O., Prolubnikov A.V. Mekhanizmy partnerstva gosudarstva i biznesa v interesakh stimulirovaniya sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya (po materialam Rossii i Uzbekistana) [Partnership Mechanisms between Government and Business in the Interests of Stimulating Socio-Economic Development (based on materials from Russia and Uzbekistan)] *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2019. No 5-1. P. 65-69 (in Russian).
- [16] Alekseeva D.A. Provedeniye soglasovannoy denezhno-kreditnoy politiki v usloviyakh evraziyskoy integratsii [Carrying out a Coordinated Monetary Policy in the Conditions of Eurasian Integration] *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsialnaya sfera, tekhnologii* [Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technologies]. 2019. No 2(40). P. 23-26 (in Russian).
- [17] Polyanin A.V. (ed.) *Publichnoye upravleniye v usloviyakh tsifrovoy globalizatsii: monografiya* [Public Administration in the Context of Digital Globalization] Orel, 2020. 268 p. (in Russian).
- [18] Risin I.E. Regionalnaya klasternaya politika: soderzhaniye i mekhanizm realizatsii [Regional Cluster Policy: Content and Implementation Mechanism]. Voronezh: VSPU Publishing House, 2014. 112 p. (in Russian).
- [19] Vertakova Yu.V., Ershova I.G., Kuzbozhev E.N. Tselepolaganiye v upravlenii sotsialno-ekonomicheskimi razvitiyem regiona [Goal Setting in the Management of the Socio-Economic Development of the Region] *Izvestiya Kurskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Kursk State Technical University]. 2001. No 6. P. 152-162 (in Russian).
- [20] Mescon M., Albert M., Hedouri F. *Osnovy menedzhmenta* [Fundamentals of Management]. Moscow: Williams, 2019. 672 p. (in Russian).
- [21] Fedotova G.V., Plotnikov V.A. Razvitiye natsionalnoy sistemy strategicheskogo kontrolya [The Development of the National Strategic Control System] *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [News of St. Petersburg State University of Economics]. 2015. No 4(94). P. 31-36 (in Russian).

Institutional and Strategic Aspects State Policy in the Field of the Russian Federation National Security

V.A. Plotnikov^{*1}, A.V. Prolubnikov^{**}, M.V. Rukinov^{***}

^{*}*St. Petersburg State University of Economics, Sadovaya str., 21, St. Petersburg, Russia 191023*

^{**}*Military Academy of Logistics, Makarova emb., 8, St. Petersburg, Russia 190000*

^{***}*A.S. Pushkin Leningrad State University, Peterburgskoe road, 10, St. Petersburg, Russia 196605*

¹*ORCID iD: 0000-0002-3784-6195*

Wos Researcher ID: A-4854-2014

e-mail: plotnikov_2000@mail.ru

Abstract – The sphere of ensuring national security is an important object of state policy. When managing this sphere, strategic and tactical levels are distinguished, each of which has its own institutional consolidation. In addition, functional areas of national security, such as nuclear and radiation safety, can be distinguished. The article analyzes the texts of the National Security

Strategy of the Russian Federation and the Fundamentals of State Policy in the Field of Nuclear and Radiation Safety of the Russian Federation from the perspective of analyzing the potential of the strategic regulatory impact of these documents. The inconsistency of their texts, the lack of complexity in regulating the institutional framework for the implementation of state policy in the field of national security is noted. It is also shown that there is no correlation between these important documents of strategic management. The study allowed the authors to conclude that strategic documents in the field of ensuring the national security of the Russian Federation require its processing and adjustment.

Keywords: state policy, national security, economic security, nuclear and radiation safety, «Rosatom», Russian economy, strategic management.